сергей

кара-мурза

манипуляция продолжается

стратегия разрухи

Политические тайны XXI века

Сергей Кара-Мурза

Манипуляция продолжается. Стратегия разрухи

«Алисторус»

2011

Кара-Мурза С. Г.

Манипуляция продолжается. Стратегия разрухи / С. Г. Кара-Мурза — «Алисторус», 2011 — (Политические тайны XXI века)

В своей новой книге известный публицист и политолог С. Г. Кара-Мурза посмотрел на современную российскую экономику с точки зрения здравого смысла и не обнаружил его ни в чем: ни в «новациях», ни в «структуризациях», ни в бесконечных «модернизациях». Анализируя все происходящее в экономике, писатель определяет его одним словом – разруха.

© Кара-Мурза С. Г., 2011
© Алисторус, 2011

Содержание

Введение 6
Раздел I. Мировоззрение 8
Глава 1. Угроза для хозяйства: утрата способности предвидеть угрозы 8
Глава 2. Хозяйство как часть национальной культуры 12
Глава 3. Подрыв рациональности 16
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Сергей Кара-Мурза
Манипуляция продолжается. Стратегия разрухи

©Кара-Мурза С.Г., 2011
©ООО «Алгоритм-Издат», 2011
©ООО «Издательство Эксмо», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Введение

Разумный человек получил мощные познавательные средства, которые скачкообразно выделили его из животного мира. С помощью языка он стал накапливать и передавать коллективный опыт, с помощью разума устанавливать корреляции между явлениями, а затем и причинно-следственные связи. Он стал *предвидеть* угрозы. Более того, воображение дало ему возможность планировать свои действия при возникновении опасности, а нравственность дала ему духовную силу для преодоления страха.

Мир втянулся в кризис индустриальной цивилизации. В каждой стране он наложился на свои проблемы. Россия переживает наложение нескольких кризисных волн, и совокупный глубокий кризис придется еще долго переживать, то подслащивая его нефтедолларами, то подтягивая пояса. Доктрина реформ 90-х годов предполагала высокую степень риска для всех систем страны. Делалось это осознанно или как печальная необходимость при разрушении «империи зла» – задача для историков. Нас же интересует суть дела.

Любой кризис поражает важные блоки общественного сознания. Но вследствие взаимодействия нескольких кризисов нынешний выделяется в российской истории неспособностью общества выработать внятный проект его преодоления. Ведь кризис – особый тип бытия, его можно уподобить болезни человека. Как и болезнь, его надо изучить, поставить диагноз, выбрать лекарства – и лечить. Лечить осторожно, стараясь не навредить, регулярно корректируя ход лечения.

Наш кризис порожден сменой общественного строя. Но почему она стала возможной? Еще Аристотель писал, что возможны два типа жизнеустройства: в одном исходят из принципа «сокращения страданий», а в другом – из принципа «увеличения наслаждений». Советский строй исходил из первого принципа, был создан поколениями, пережившими несколько волн массовых бедствий. Он весь был нацелен на предотвращение угроз. В этом СССР достиг больших успехов и даже сделал ряд важных открытий в социальной и технической сфере. Но важен баланс принципов, и городское население 80-х годов, уже забыв о бедствиях, страдало от нехватки «наслаждений». Вместо осторожного сдвига в эту сторону активная часть общества соблазнилась радикально перейти ко второму принципу жизнеустройства.

Философ А. С. Панарин трактует этот большой сдвиг в сознании как «*бунт юноши Эдипа*», бунт против принципа отцовства, предполагающего ответственность за жизнь семьи и рода. Начавшийся «праздник жизни», хотя бы для меньшинства, не предвещал катастрофы, пока худо-бедно действовали старые системы защиты от угроз, но этот праздник затянулся сверх меры. Сейчас старые изношенные системы хозяйства начали рассыпаться, но наше сознание – и у элиты, и у массы – уже утратило навыки предвидения угроз.

Не желая слышать неприятных сигналов, мы стали отключать системы сигнализации об угрозах – одну за другой. Уже с начала перестройки специалисты фиксировали это странное изменение в сознании людей – на время в обиход вошел даже термин «синдром самоубийцы». Операторы больших технических систем совершали целую цепочку недопустимых действий, как будто специально хотели устроить катастрофу. Вот, на шахте в Донбассе произошел взрыв метана, погибли люди. Был неисправен какой-то датчик, подавал ложные сигналы. Вместо того чтобы устранить неисправность, его просто отключили. Не помогло, сигналы беспокоили – и последовательно отключили, если память не изменяет, 23 анализирующих и сигнализирующих устройства.

В конце 80-х годов положение ухудшилось, пренебрежение опасностями стало принимать патологический характер. Так, на трубопроводах – транспортной системе повышенной опасности – были повсеместно устранены *обходчики*. Между тем присутствие хотя бы по одному обходчику даже на больших участках трассы предотвратило бы тяжелую аварию лета 1989 г.

в Башкирии. То же происходило и на железной дороге – резкое сокращение работ по осмотру пути и подвижного состава привело к росту числа крушений и аварий, включая катастрофические, в том числе при перевозке особо опасных грузов.

Но признаком *общей* беды это стало потому, что так вели себя люди в самых разных делах. Среди бела дня, при полной видимости, немыслимым образом сталкивались два корабля, которые вели опытные капитаны. Водители на шоссе вдруг разворачивались из правого ряда, даже не подав сигнала, и приводили к тяжелой аварии. От «неестественных причин» (травм, убийств, случайных отравлений и несчастных случаев) в Российской Федерации стало гибнуть очень много людей – до 400 тысяч человек в год.

На высших уровнях управления это выражалось в планомерной ликвидации («перестройке») структур, которые и были созданы для обнаружения угроз и их предотвращения. Общество заболело чем-то вроде СПИДа. Ведь иммунодефицит и выражается прежде всего в отключении первого контура системы иммунитета – механизма *распознания* проникших в кровь веществ, угрожающих организму.

Вот, властями и строительными фирмами Москвы и Петербурга овладела великая идея построить несколько десятков небоскребов – чтобы было «как в Нью-Йорке». В Петербурге уже решили строить 40-этажные дома, хотя такие дома можно строить только на прочных скальных выходах или на твердых отложениях, а под Питером залегает чехол слабых отложений (торф, пески, глины). Как же так? Очень просто – интересы «дикого капитализма» заставили ликвидировать важный институт индустриальной цивилизации – *Госстандарт*. Его выстраивали у нас весь XX век – и вот, устранили, стали «приватизировать». Вместе с техническим надзором. Символом этой реформы стало невероятное событие – прямо над туннелем метро около станции «Сокол» строители вбили 11 свай. Три из них провалились в туннель, а одна даже пробила поезд. В это надо вдуматься, это важный симптом.

Раздел I. Мировоззрение

Глава 1. Угроза для хозяйства: утрата способности предвидеть угрозы

В России уже в течение двадцати лет делается попытка вместить ее жизнеустройство в структуры либеральной экономики и государственности западного типа («вернуть в лоно цивилизации»).

Речь идет о радикальной смене общественного строя («ликвидация», а не реформирование). В основу нового общества предлагается положить конкуренцию, а не сотрудничество – то есть имеется в виду вовсе не «социализм с человеческим лицом», не «конвергенция» и даже не социал-демократия шведского типа, а именно «дикий капитализм». Меры по смягчению его дикости, предпринятые после 2000 г. с помощью нефтедолларов, свертываются вследствие нового витка кризиса с конца 2008 г.

Проект этот по глубине несопоставим с революцией Октября 1917 года. В Советской революции претензии ограничивались изменением социально-экономического уклада и идеологии – на траектории развития исторической России. Сейчас речь идет о смене траектории, смене *типа цивилизации*. Авторы доктрины реформ российского хозяйства и государственные политики, которые руководили реализацией этой доктрины, превратили реформу в операцию войны против России. «Целились в коммунизм, а стреляли в Россию» – иначе никак не получалось. Под обстрелом оказались все сферы советского жизнеустройства – они же были и устоями российской цивилизации, достроенными в советское время. По мере иссякания запаса жизненных сил изуродованных советских структур нарастает тяжесть травм, полученных цивилизацией *исторической* России.

Группа экономистов, которая составляла «экономический блок» режима Ельцина, выводила свою доктрину из мифа, согласно которому Запад выражает некий универсальный закон развития в его чистом виде. Американские эксперты, работавшие в Москве (включая известных экономистов), писали в 1996 г.: «Анализ экономической ситуации и разработка экономической стратегии для России на переходный период происходили под влиянием англо-американского представления о развитии. Вера в самоорганизующую способность рынка отчасти наивна, но она несет определенную идеологическую нагрузку – это политическая тактика, которая игнорирует и обходит стороной экономическую логику и экономическую историю России» [1].

Эта политическая тактика, к которой подталкивали Гайдара западные советники из числа радикальных неолибералов, противоречила знанию, накопленному даже в рамках *либерализма*! Один из виднейших английских либеральных философов, Дж. Грей, пишет: «Значение американского примера для обществ, имеющих более глубокие исторические и культурные корни, фактически сводится к предупреждению о том, чего им следует опасаться; это не идеал, к которому они должны стремиться. Ибо принятие американской модели экономической политики непременно повлечет для них куда более тяжелые культурные потери при весьма небольших, чисто теоретических или абсолютно иллюзорных экономических достижениях» [2].

В 1991 году к М. С. Горбачеву обратилась с «Открытым письмом» группа из 30 американских экономистов (включая трех лауреатов Нобелевской премии по экономике – Ф. Модильяни, Дж. Тобина и Р. Солоу; еще один, У. Викри, стал лауреатом в 1995 году.). Они предупреждали, что для успеха реформ надо сохранить землю и другие природные ресурсы

в общественной собственности. Виднейшие западные экономисты видели разрушительный характер доктрины российских реформ и пытались предотвратить тяжелые последствия. На их письмо просто не обратили внимания.

Наше общество, в массе своей, утратило навык предвидения опасностей. Даже предчувствия исчезли. Это было признаком назревания большого кризиса, а потом стало причиной его углубления и затягивания. Не чувствуешь опасности – и попадаешь в беду.

Отметим еще одно обстоятельство, которое усугубило нашу общую слабость в предвидении рисков – у нас как раз к началу кризиса «отказало» обществоведение, общественные науки. Отказало в целом, как особая система знания (об отдельных блестящих талантах не говорим, не они определяют общий фон).

Как малые дети, ожидающие от жизни только подарков, мы извратили сам смысл науки, в том числе общественной. Она была представлена силой, смысл которой – улучшение нашей жизни, увеличение благ и свобод. На деле главная ценность науки – накладывать запреты, указывать на то, ***чего делать нельзя***. Обществоведение обязано *предупреждать* о тех опасностях, которые таятся в самом обществе людей – указывать, чего нельзя делать, чтобы не превратить массу людей в разрушительную силу.

Перестройка и хаос 90-х годов привели к поражению основ знания об обществе. Важная часть массового сознания была отброшена в зону темных, суеверных, антинаучных взглядов – Просвещение отступило. Что значит «мы не знаем общества, в котором живем»? Это как если бы капитан при начинающемся шторме, в зоне рифов, вдруг обнаружил, что на корабле пропали лоции и испорчен компас. Уже к 1988 г. стало видно, что перестройка толкает общество к катастрофе – но гуманитарная интеллигенция этого не видела.

Конечно, сильное давление оказал политический интерес. Чтобы сломать такую махину, как государство и хозяйство, надо было сначала испортить инструменты рационального мышления. В рамках нормальной логики и расчета невозможно было оправдать тех разрушительных изменений, которые были навязаны стране со ссылкой на «науку». Сегодня чтение солидных, академических трудов обществоведов перестроечного периода оставляет тяжелое чувство. В них нарушены самые элементарные нормы логического мышления и утрачена способность «взвешивать» явления.

Это выразилось в уходе от осмысления *фундаментальных* вопросов. Их как будто и не существовало, не было никакой возможности поставить их на обсуждение. Из рассуждений была исключена категория *выбора*. Говорили не о том, «куда и зачем двигаться», а «каким транспортом» и «с какой скоростью».

Безумным был уже сам лозунг перестройки – «*иного не дано!*» Как это не дано? С каждого перекрестка идут несколько путей.

Никто не удивляется, а ведь вещь поразительная: ни один из видных экономистов никогда не сказал, что советское хозяйство ***может быть*** переделано в рыночную экономику – но тут же требовал его немедленно переделать. Не слушали реформаторы и видных представителей отечественной экономической науки, которые предупреждали, что доктрина радикальной переделки советской экономики в рыночную кончится крахом. Академик Ю. В. Яременко писал об авторах доктрины: «Проблема адекватности реформы живой экономике для них не стояла».

Строго говоря, игнорировались и современные взгляды западной науки, из которых следовало, что к успеху могло привести только надстраивание рыночных прелестей на имеющийся фундамент (как в Японии или Китае). Нет, первым делом взорвали фундамент.

Поражали метафоры перестройки. Вспомним, как обществоведы взывали: «Пропасть нельзя перепрыгнуть в два прыжка!» – и все аплодировали этому сравнению, хотя были уверены, что в один прыжок эту пропасть перепрыгнуть не удастся. Не дали даже спросить, а зачем вообще нам прыгать в пропасть. Разве где-нибудь кто-то так делает, кроме самоубийц?

Предложения «консерваторов» – не прыгать вообще, а построить мост – отвергались с возмущением.

Летом 1991 г. несколько групп экспертов провели расчет последствий «либерализации цен», которую позже осуществил Гайдар (и расчет полностью подтвердился). Результаты расчетов были сведены в докладе Госкомцен СССР, это был сигнал об угрозе тяжелого социального потрясения и спада производства. Но «ведущие экономисты» успокоили людей. Так, «Огонек» дал такой прогноз: «Если все цены на все мясо сделать свободными, то оно будет стоить 4–5 руб. за кг, но появится на всех прилавках и во всех районах. Масло будет стоить также рублей 5, яйца – не выше полутора. Молоко будет парным, без химии, во всех молочных, в течение дня и по полтиннику», – и так далее по всему спектру товаров.

Сейчас это кажется курьезом, но дело очень серьезно. Трагедия в том, что дело было не в злонамеренности экономистов, их прогнозы отражали общую структуру мышления, которая мало в чем изменилась. Академики, экономисты и социологи, предлагали меры, которые были бедствием для миллионов людей и уничтожали огромное национальное богатство, – и не видели опасности.

Академики-экономисты призывали к *деиндустриализации*, к ликвидации до 2/3 всей промышленной системы страны. Это значит, главные интеллектуальные инструменты для предвидения угроз в стране действительно отключены. Точно так же была исключена проблема угроз и рисков из обсуждения программы приватизации промышленности. Навык их предвидения сумели изъять и из массового сознания. Да, подавляющее большинство граждан с самого начала не верило, что приватизация будет благом для страны и для них лично. Но 64 % опрошенных ответили: «Эта мера ничего не изменит в положении людей».

Это – признак глубокого повреждения в сознании. Как может приватизация всей промышленности и, прежде всего, практически ***всех рабочих мест*** ничего не изменить в положении людей! Как может ничего не изменить в положении людей массовая безработица, которую те же опрошенные предвидели как следствие приватизации! Реальность такова: приватизация (вместе со всеми идущими «в одном пакете» мерами) почти моментально привела к спаду производства вдвое и вытеснила с заводов и фабрик России 9 млн. рабочих и инженеров.

Приватизация промышленности означала важный исторический выбор, кардинальное изменение жизнеустройства всего народа – а люди воспринимали ее как бесполезное (но и безвредное) техническое решение. Мысленная операция прогнозирования угроз была исключена из мышления граждан. Но эта операция совершенно необходима для успешного ведения хозяйственной деятельности в быстро меняющемся мире. Деградация этого инструмента мышления – важная угроза для российской экономики.

Подорван и другой важный инструмент мышления – рефлексия. Прошло двадцать лет реформ, но внятного анализа их результатов нет. Дж. Стиглиц пишет: «Россия представляет собой интереснейший объект для изучения опустошительного ущерба, нанесенного стране путем «проведения приватизации любой ценой»… Приватизация, сопровождаемая открытием рынка капитала, вела не к созданию богатства, а к обдиранию активов. И это было вполне логичным» [3, с. 81, 176].

Но как раз интереса к «изучению опустошительного ущерба, нанесенного стране» в среде обществоведов нет.

В целом, мины, заложенные в 90-е годы, дозревают до того, чтобы начать рваться, только сейчас, уже в XXI веке. Главный вал отказов, аварий и катастроф придется на то поколение, что сегодня входит в активную жизнь. Большинство опасностей, предсказанных специалистами при обсуждении доктрины реформ в начале 90-х годов, *проявились*. Однако их развитие оказалось более медленным, чем предполагалось. Большие системы, сложившиеся в советское время, обладают аномально высоким запасом «прочности». Природа этой устойчивости

не выявлена и ресурсы ее не определены. Это создает опасную неопределенность, поскольку исчерпание запаса прочности может быть лавинообразным и момент его предсказать трудно.

Природа и источники рисков и угроз в условиях нашего кризиса не стали предметом ни научных исследований, ни общественного диалога. Ячейки таких исследований «ушли в катакомбы».

Глава 2. Хозяйство как часть национальной культуры

Хозяйственная деятельность – один из главных механизмов, собирающих людей и их малые общности в народ (нацию). Под видимыми хозяйственными укладами, приемами и нормами лежат мировоззренческие и нравственные основания, корнями уходящие в религиозные представления о мире и человеке.

Хозяйство имеет национальный (даже этнический) и цивилизационный характер. Будучи порождением национальной культуры или самобытной цивилизации, оно, в свою очередь, выполняет важнейшую роль в их *воспроизводстве*. Реформаторы в лучшем случае игнорировали национальный и цивилизационный аспект, ограничивая смысл реформы чисто экономическими показателями, но иногда открыто говорили о намерении изменить тип цивилизации России.

Вот уже 18 лет правительства президента Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, а теперь Д. А. Медведева проводят программу перевода всех сторон нашей жизни на рыночные отношения. Множество ученых показали, что эта утопия недостижима ***нигде в мире***, однако на Западе по законам рынка может действовать относительно большая часть человеческих взаимодействий. В России же тотальное подчинение рынку было бы убийственным и повлекло бы гибель большой части населения.

На эти вполне корректные, академические указания ни президенты, ни правительства не отвечают – они делают вид, будто всех этих трудов русских экономистов, географов, социологов, начиная с XIX века, просто не существует. Вся доктрина реформ в России игнорировала культурные различия как несущественный фактор. Ударом по ядру ценностей России как цивилизации стала попытка придать ***конкуренции*** статус высшей ценности. Временами эта попытка выходила за разумные рамки. При этом интеллектуалы, которых власть привлекала для этой миссии, затруднялись даже определить, о чем идет речь.

Пресса сообщала, не без сарказма: «Накануне выборов Президента Российской Федерации (в 2004 г.) два десятка видных экспертов и экономистов пытались ответить на вопрос: сможет ли воплотиться в жизнь предложение Владимира Путина – придать теме конкурентоспособности страны статус российской национальной идеи? Высказанные в ходе дискуссии позиции поразили разнообразием, а иногда наводили на мысль: а все ли хорошо понимают сам предмет разговора?»

Вера в то, что западная модель экономики является единственно правильной, доходила до идолопоклонства (если только она была искренней). Экономист В. Найшуль, который участвовал в разработке доктрины, даже опубликовал в «Огоньке» статью под красноречивым названием «Ни в одной православной стране нет нормальной экономики». Это нелепое утверждение. Православные страны есть, иные существуют по полторы тысячи лет – почему же их экономику нельзя считать нормальной?

Странно как раз то, что российские экономисты вдруг стали считать нормальной экономику Запада – недавно возникший тип хозяйства небольшой по населению части человечества. Если США, где проживает 5 % населения Земли, потребляют 40 % минеральных ресурсов, то любому овладевшему арифметикой человеку должно быть очевидно, что хозяйство США никак не может служить нормой для человечества.

Иногда пафос реформаторов доходил до гротеска, и в «Вопросах философии» можно было прочитать: «Перед Россией стоит историческая задача: сточить грани своего квадратного колеса и перейти к органичному развитию… В процессе модернизаций ряду стран второго эшелона капитализма удалось стесать грани своих квадратных колес… Сегодня, пожалуй, единственной страной из числа тех, которые принадлежали ко второму эшелону развития

капитализма и где колесо по-прежнему является квадратным, осталась Россия, точнее территория бывшей Российской империи (Советского Союза)».

Мысль о том, что хозяйство надо отдать в управление иностранному капиталу, также исходила из того, что само экономическое мышление российских аборигенов никуда не годится. А. Н. Яковлев сразу поставил вопрос жестко: «Без того, чтобы иностранному капиталу дать гарантии свободных действий, ничего не получится. И надо, чтобы на рынок были немедленно брошены капиталы, земля, средства производства, жилье» [4].

Реформаторы приняли к исполнению программу МВФ, которая была разработана, чтобы вышибать долги из слаборазвитых стран за счет приватизации, сокращения социальных расходов и государственных инвестиций. Дж. Грей уже перед началом неолиберальной реформы в России писал: «Будет жаль, если посткоммунистические страны, где политические ставки и цена политических ошибок для населения несравнимо выше, чем в любом западном государстве, станут испытательным полем для идеологий, чья стержневая идея на практике уже обернулась разрушениями для западных обществ, где условия их применения были куда более благоприятными» [2, с. 89].

Тезис о том, что «стержневая идея» неолиберальной доктрины МВФ «на практике уже обернулась разрушениями для западных обществ», подтверждена большим массивом исследований американских ученых. Замалчивание их результатов экспертами «команды Ельцина» является одним из тяжелых нарушений профессиональной этики.

До начала российской реформы опыт проведения неолиберальной «программы структурной стабилизации» в *каждой* стране внимательно изучался учеными США. Ежегодно в США защищалось 10–15 докторских диссертаций на эту тему. За 80-е годы в компьютерной базе «Dissertation Abstracts» появился целый том авторефератов более чем ста исследований, в основном в странах Латинской Америки и Африки. В выводах ***всех до одной*** диссертаций одним из пунктов было признание разрушительного характера этой программы МВФ для национальной экономики. В ходе этой программы в метрополию поступило в пять раз больше денег, чем было дано в долг. Уже к концу 80-х годов было точно известно, что применение программы МВФ привело к экономической катастрофе в Латинской Америке и Африке (кроме тех стран, вроде Чили, Коста-Рики и Египта, которым по политическим причинам условия программы ослабили).

Этого избежали только страны Юго-Восточной Азии (Тайвань, Южная Корея и др.), которые не приняли программу МВФ. В обзоре положения в Африке было сказано, что если страны к югу от Сахары будут и дальше точно выполнять план МВФ, то они лишь через 100 лет восстановят уровень экономики, который имели в середине 70-х годов. Пытаться с помощью этой программы построить в России рыночную экономику было неразумно (если только не было других целей).

Страны-должники не могли от программы МВФ отказаться. Власти России приняли ее из политических соображений. Приглашенный правительством России как советник по социальным проблемам реформы известный американский экономист Мануэль Кастельс писал: «К тяжелым последствиям привел тот факт, что в России МВФ применил свою старую тактику, хорошо известную в третьем мире: «оздоровить» экономику и подготовить ее для иностранных капиталовложений даже ценой разрушения общества».

Неизвестно, насколько можно верить откровениям Б. Н. Ельцина, но он писал следующее: «Наверное, по-другому было просто нельзя. Кроме сталинской промышленности, сталинской экономики, адаптированной под сегодняшний день, практически не существовало никакой другой. А она генетически диктовала именно такой слом – через колено. Как она создавалась, так и была разрушена» [5].

Даже если он кривил душой с какой-то скрытой политической целью, его рассуждение безумно. Как может промышленность «генетически диктовать» ее слом через колено? Как он

расслышал голос промышленности? Разве разумно разрушать имеющуюся промышленность по той причине, что «не существовало никакой другой»? Зачем писатели «народного президента» издавали под его именем эти бредовые умозаключения? Ведь, все-таки, какой-то смысл в этом, наверное, был.

После ухода Ельцина язык власти стал более мягким и оппортунистическим, но и внутренне противоречивым. В программной статье В. В. Путина «Россия», опубликованной 31 декабря 1999 г., были сделаны два главных утверждения:

– «Мы вышли на магистральный путь, которым идет все человечество… Альтернативы ему нет».

– «Каждая страна, в том числе и Россия, должна искать свой путь обновления» [6].

Но обе эти мысли взаимно исключают друг друга! К тому же первое утверждение неверно фактически – «третий мир», то есть 80 % человечества, в принципе не может повторить путь Запада. Все человечество никак не может идти одним и тем же «магистральным путем», эта универсалистская утопия Просвещения была исчерпана уже в XIX веке.

Принятие для России правил «рыночной экономики» означает включение либо в *ядро* мировой капиталистической системы (метрополию), либо в *периферию*, в число «придатков». Никакой «независимой рыночной России», не входящей ни в одну из этих подсистем, быть не может. Это стало ясно уже в начале XX века, когда была достаточно хорошо изучена система мирового капитализма, построенного как неразрывно связанные «центр – периферия». Перспектива стать частью периферии западного капитализма и толкнула Россию к советской революции как последнему шансу выскочить из этой ловушки.

Когда набрала обороты реформа в России, один из ведущих исследователей глобальной экономики И. Валлерстайн писал специально для российского журнала: «Капитализм только и возможен как надгосударственная система, в которой существует более плотное «ядро» и обращающиеся вокруг него периферии и полупериферии» [7].

Вопрос был вполне ясен, и господствующее меньшинство, представлявшее союз очень разных социальных групп России, сделало в конце 80-х годов сознательный исторический выбор. Он состоял в том, чтобы демонтировать народное хозяйство, которое обеспечивало России политическую и цивилизационную независимость, и стать частью периферии мировой капиталистической системы.

После 1991 г. в России была провозглашена программа замены институтов и систем, которые были созданы и построены в собственной культуре, на институты и системы чужой цивилизации, по шаблонам англосаксонской рыночной системы. Смена типа народного хозяйства ведет к изменениям во *всех* составляющих цивилизации как системы, это пересборка всех ее элементов и связей.

Силой, которая скрепляет Запад через хозяйство, является обмен, контракт *купли-продажи*, свободный от этических ценностей и выражаемый количественной мерой *цены*. Общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится ***рынок***.

Напротив, в России акты обмена по большей части не приобретали характера свободной и эквивалентной купли-продажи – рынок регулировал лишь небольшую часть общественных отношений. Был велик вес отношений типа служения, выполнения долга, любви, заботы и принуждения. Общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится в таком обществе ***семья***.

Признание или непризнание цивилизационных особенностей хозяйства России относительно рыночной экономики Запада периодически становится в России предметом острых дебатов. Давление евроцентризма на образованный слой России не раз приводило к тому, что и правящая верхушка, и оппозиционная ей интеллигенция отказывали отечественному хозяйству в самобытности и шли по пути имитации западных структур. Следствием, как правило, были огромные издержки или провал реформ, острые идейные и социальные конфликты.

Результатом нынешней реформы стала быстрая утрата населением России ряда признаков цивилизации в сфере хозяйства, а через него и в других сферах.

Здесь – важный урок. После сравнимых с нынешними разрушений от гитлеровского нашествия промышленность была восстановлена за два года, а хозяйство в целом – за 5 лет. В 1955 г. объем промышленного производства превзошел уровень 1945 г. почти в 6 раз, а сельского хозяйства – почти в 3 раза. Сейчас промышленность только-только выходит на уровень 1990 г. (это до кризиса конца 2008 г.), а сельское хозяйство в обозримом будущем вряд ли этот уровень достигнет. А реформа длится уже 20 лет. Эту разницу надо объяснить. Ведь дело явно не в мелочах, причины фундаментальны и речь идет об историческом вызове, от которого не уклониться.

Надо коротко отметить и еще одно принципиальное цивилизационное отличие хозяйства России (и царской, и советской, и нынешней) от западного капитализма. Оно состоит в длительном изъятии Западом огромных ресурсов из колоний, которое было необходимым условием для возникновения и развития современного Запада. Сделанные за счет этих средств инвестиции создали условия для рывка, благодаря которому Запад в XX веке получил возможность получать с остального мира «интеллектуальную ренту» научно-технического лидера и ренту от эмиссии мировых валют (доллара, а теперь и евро). Этих источников Россия не имела и, видимо, иметь не будет. Уже поэтому имитация западной системы хозяйства не позволит России сохранить статус цивилизации.

Вероятно, даже и такой выбор, который был сделан в 1991 г., можно было осуществлять или с большими, или с меньшими травмами. Как мы помним, был выбран самый радикальный вариант – *шоковой терапии*. Она привела к такому провалу в хозяйстве, который пришлось закрывать распродажей ресурсов и изъятием средств из всех стратегических систем России. Академик Ю. В. Яременко писал о недопустимости либерализации сложившейся в СССР системы цен без ее постепенной структурной перестройки: «Из-за колоссальных технологических перепадов изменение структуры цен при переходе к рынку сразу же приведет к разорению целых секторов экономики».

Так и произошло.

Доминирующей тенденцией в хозяйстве стали *проедание капитальных фондов*, растрата созданных предыдущими поколениями унаследованных богатств, а также природных богатств, предназначенных для жизнеобеспечения *будущих* поколений. Такой хозяйственный порядок допустим для цивилизации только как *аварийная краткосрочная мера*, с целью пережить катастрофу. Этот допустимый интервал времени мы почти исчерпали или близки к этому порогу. Цивилизация в ее нынешних формах принимает черты *паразитической*, а значит, каким-то образом будет переформатирована.

Но сейчас мы подошли к новому перекрестку. Соображения, по которым российское правительство приняло неолиберальную доктрину, отпали, и теперь надо вырабатывать политику реформ, исходя из долгосрочных национальных интересов.

Глава 3. Подрыв рациональности

Для земной жизни нужны инструменты рационального мышления – точный язык, логика, мера, навыки рефлексии и проектирования. Все они были сильно повреждены во время перестройки, а затем подрывались в ходе реформы. Сейчас сознание общества и особенно элиты хаотизировано и не справляется с задачами, которые ставит кризис. Резко снизилось качество решений и управления, возникли аномальные зоны, где принимаются наихудшие решения из всех возможных. Дальнейшая деградация рационального сознания – всеобщая ***угроза***.

С этого факта и начнем. В своих рассуждениях 80-х годов влиятельная часть нашей интеллигенции допустила ряд фундаментальных ошибок. В результате этих ошибок были сделаны ложные выводы и приняты неверные (с точки зрения интересов большинства даже самой интеллигенции) решения. За интеллигенцией пошла масса людей – кому же верить, как не своим образованным близким. В результате страна оказалась на грани катастрофы и погрузилась в кризис, из которого неясно, как выбраться. После 2000 г. этот кризис слегка заморозили – и то слава богу. Но подморозить – не значит вылечить. Когда «заморозка» перестанет действовать, каково нам придется?

Да и сами ошибки – лишь ***симптом***. Причиной их было нарушение норм рациональности. Перестройка привела к ее тяжелому поражению. Вместо анализа ошибок и «починки» инструментов разумного мышления, как это принято делать при любых технических сбоях или авариях, произошел срыв – эти ошибки побудили к дальнейшему отходу от норм разумного мышления, в результате чего общество и сорвалось в тяжелейший кризис. Если бы наши либеральные реформаторы, исходя из своей веры и своих идеалов рассуждали согласно правилам здравого смысла и логики, сверяли бы свои выводы с реальностью, то мы могли бы избежать срыва и найти разумный компромисс между интересами разных частей общества. Большинство при этом все равно бы пострадало (за ошибки надо платить), но не так сильно.

В среде специалистов, которые разрабатывали доктрину реформ, методологическим принципом стала ***безответственность***. Пафос реформы был открыто оглашен как *слом советской хозяйственной системы и создание необратимости*. Сама декларация о *необратимости как цели* показывает глубинную безответственность – как философский принцип[1].

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 2004 г. В. В. Путин говорит: «С начала 90-х годов Россия в своем развитии прошла условно несколько этапов. Первый этап был связан с демонтажем прежней экономической системы… Второй этап был временем расчистки завалов, образовавшихся от разрушения «старого здания»… Напомню, за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала».

Это важное утверждение. Ведь реформа 90-х годов представлялась обществу как *модернизация* отечественной экономики – а теперь оказывается, что это был ее *демонтаж*, причем грубый, в виде *разрушения* «старого здания». На это согласия общества не спрашивали, а разумные граждане никогда бы не дали такого согласия. Ни в одном документе 90-х годов не было сказано, что готовился **демонтаж экономической системы** России. Значит, власть следовала **тайному** плану. Где секретные протоколы к этому «*пакту*»?

В любом государстве уничтожение «половины экономического потенциала» страны было бы квалифицировано как измена Родине или вражеская диверсия в беспрецедентно крупном размере. И уж это никак не могло бы пройти без внятного объяснения власти с обществом. Надо дать оценку этой программе с точки зрения законов и канонов государственной безопас-

[1] Академик Ю. В. Яременко писал, что «необратимость реформ здесь оплачивается необратимостью потерь производственно-технологического потенциала».

ности. Ведь в 1999 г. новая власть приняла дела у Ельцина и его команды и их отчета не обнародовала. Да и сегодня имя Ельцина присваивается библиотекам и университетам, это явный знак одобрения его дел. Все уже по горло сыты недомолвками.

При выработке той программы наблюдалась поразительная вещь: ни один из ведущих экономистов не сказал, что советское хозяйство ***может быть переделано*** в рыночное хозяйство западного типа. Никто никогда не утверждал также, что в России можно ***построить*** экономическую систему западного типа. Ситуация в интеллектуальном плане аномальная: заявления по важнейшему для народа вопросу строились на предположении, которого никто не решался явно высказать. Никто не заявил, что на рельсах нынешнего курса возникнет дееспособное хозяйство, достаточное, чтобы гарантировать выживание России как целостной страны и народа. Ведь если этого не будет, то уплаченную народом тяжелую цену за реформу уже никак нельзя будет оправдать. Однако, сколько ни изучаешь документов и выступлений, никто четко не заявляет, что он, академик такой-то, уверен, что курс реформ выведет нас на безопасный уровень без срыва в катастрофу. А вот предупреждений об очень высоком риске сорваться в катастрофу было достаточно.

Итак, главные обществоведы страны не утверждали, что жизнеустройство страны может быть переделано без катастрофы – но тут же требовали его переделать. Тот факт, что общество принимало подобные катастрофические предложения без обоснования и критического анализа, говорит о том, что к концу 80-х годов в СССР и России имел место отход от рационального мышления.

Уже к середине 90-х годов мнение о том, что экономическая реформа в России «потерпела провал» и привела к «опустошительному ущербу», стало общепризнанным (пусть негласно) и среди российских, и среди западных специалистов. В 1996 г. видные экономисты Н. Петраков и В. Перламутров писали в академическом журнале «Вопросы экономики»: «Анализ политики правительства Гайдара – Черномырдина дает все основания полагать, что их усилиями Россия за последние четыре года переместилась из состояния кризиса в состояние катастрофы» [8].

Председатель Совета экономических советников при президенте США Клинтоне Нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц, дает такую оценку: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества – колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту» [3, с. 188].

Вдумаемся в этот вывод: в результате реформ мы получили ***самое худшее из всех возможных состояний общества***. Значит, речь идет не о частных ошибках, вызванных новизной задачи и неопределенностью условий, а о *системе ошибок*. Перед нами явление крупного масштаба: на огромном пространстве создана хозяйственная и социальная катастрофа, не имеющая прецедента в индустриальном обществе Нового времени. Украина – большая развитая европейская страна. В 2000 г. средняя реальная заработная плата здесь составляла 27 % от уровня 1990 года (в Российской Федерации 42 %, в Таджикистане 7 %).

Известный американский советолог С. Коэн писал в 1998 г.: «Проблема России состоит в беспрецедентно всеобщей экономической катастрофе в экономике мирного времени, находящейся в процессе нескончаемого разрушения… Катастрофа настолько грандиозна, что ныне мы должны говорить о не имеющем прецедента процессе – буквальной демодернизации живущей в XX веке страны» [9].

Таким образом, речь идет не о кризисе, а о *демодернизации* – утрате системных свойств современной цивилизации. Казалось бы, перед разумным человеком возник очень важный объект исследований, анализа, размышлений и диалога. Но за прошедшие 20 лет никакого стремления к рефлексии по отношению к методологическим основаниям программы реформ в среде экономистов не наблюдается – за исключением отдельных личностей, которые при

настойчивой попытке гласной рефлексии становятся диссидентами профессионального сообщества. Американские эксперты А. Эмсден и др. пишут в своем докладе: «Тем экономистам в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе, которые возражали против принятых подходов, навешивали ярлык скрытых сталинистов» [1, с. 67]. В те годы этот ярлык означал маргинализацию человека как профессионала. Понятно, что мало кто шел на конфликт, пытаясь открыть дискуссию. Часто такой поступок совершали люди как раз слишком эмоциональные, их выступление воспринималось как крик отчаяния, и рационального разговора не получалось.

Возьмем самые распространенные случаи нарушений, которые будем иллюстрировать известными примерами. Это отход от реалистического мышления; «порча языка» – отход от системы рациональных категорий и понятий; утрата меры.

Аутистическое мышление. Основу рационального представления о действительности создает реалистическое мышление. Его цель – создать *правильные* представления, цель аутистического мышления – создать *приятные* представления и вытеснить неприятные. Если каким-то способом удается отключить реалистическое мышление, то аутистическое мышление доделывает за него работу, тормозя здравый смысл и получая абсолютный перевес.

Во время перестройки в среде гуманитарной интеллигенции сложилась компактная господствующая группа, объединяющей силой и ядром идейной основы которой являлся мессианский *антисоветизм*. Эти люди грезили наяву о разрушении «империи зла». Господство аутистического мышления породило небывалый в истории проект демонтажа народного хозяйства собственной страны. Предпосылкой к нему стало типичное проявление аутистического мышления в сфере хозяйства – сдвиг внимания от производства к распределению. На первый план в сознании вышел рынок – механизм распределения. «Реальная экономика» была представлена как нечто презренное и антигуманное.

Первый удар по хозяйству реформа нанесла в 1991–1994 гг., когда промышленное производство сократилось более чем в два раза. Директор Аналитического центра Администрации Президента Российской Федерации по социально-экономической политике П. С. Филиппов дает большое интервью (4 января 1994 г.).

Его спрашивают, какова причина этого кризиса. Он отвечает: «В нашей экономике узкое место – это торговля: у нас в три раза меньше торговых площадей, чем, например, в Японии. Хотите хорошо жить – займитесь торговлей. Это общественно-полезная деятельность. И так будет до тех пор, пока будет существовать дефицит торговых площадей, а, еще вернее, мы испытываем дефицит коммерсантов» [10].

Под давлением таких доводов люди оправдывали катастрофические изменения – из промышленности выбыла почти половина рабочих. Они сначала превратились в «челноков» и мелочных торговцев, а затем значительная часть их опустилась на «дно».

Экономисты настойчиво советовали совершить поворот России к «жизни в долг». Видный экономист Н. П. Шмелев, ныне академик РАН, предлагал сделать большие внешние заимствования, а отдавать долги государственной собственностью. Он писал: «По-видимому, мы могли бы занять на мировых кредитных рынках в ближайшие годы несколько десятков миллиардов долларов и при этом остаться платежеспособными… Эти долгосрочные кредиты могли бы быть также (при должных усилиях с нашей стороны) в будущем превращены в акции и облигации совместных предприятий» [11].

Через год, когда страна уже втягивалась в кризис, он говорит в интервью: «Не исключено, что частный банковский мир переведет нас в категорию политически ненадежных заемщиков, так что на солидные займы рассчитывать нам не придется… [Можно взять] под залог нашего золотого запаса, основательно, кстати, пощипанного. Зачем мы его храним? На случай войны? Но если разразится ядерная война, нам уже ничего не нужно будет» [12].

Это крайний аутизм. Зачем мы что-то храним? А если война? И Российская Федерация сразу стала втягиваться в долговую яму, брать займы «зависимого типа», но российскому обществу это представляли как «помощь Запада» или даже как иностранные инвестиции.

Одним из крайних проявлений аутистического сознания элиты был категорический отказ обсуждать и даже видеть *отрицательные* последствия реформы. Вот умозаключение академика Т. И. Заславской, сделанное в важном докладе (1995): «Что касается экономических интересов и поведения массовых социальных групп, то проведенная приватизация пока не оказала на них существенного влияния… Прямую зависимость заработка от личных усилий видят лишь 7 % работников, остальные считают главными путями к успеху использование родственных и социальных связей, спекуляцию, мошенничество и т. д.» [13].

Итак, 93 % работников не могут жить так, как жили до приватизации, – за счет честного труда. Они теперь вынуждены искать сомнительные, часто преступные источники дохода («спекуляцию, мошенничество и т. д.») – но социолог считает, что *приватизация не повлияла на экономическое поведение*.

Из того, что сказала сама Т. И. Заславская, прямо вытекает, что приватизация ***повлияла*** на экономическое поведение подавляющего большинства граждан, причем кардинальным образом. Нелогичность ее утверждения – следствие аутистического сознания. Идеологи реформы видят только *приятные* изменения, а если влияние приватизации «на поведение массовых социальных групп» им неприятно, то этого влияния просто не видят.

Аутистическое мышление отражается и в современных воспоминаниях разработчиков доктрины реформ. Вот, на лекции 29 апреля 2004 г. один из таких разработчиков, Симон Кордонский, излагает свою версию работы над доктриной[2].

Он выделяет главную черту ее авторов: «Мое глубокое убеждение состоит в том, что основной посыл реформаторства – то, что для реформатора не имеет значения реальное состояние объекта реформирования. Его интересует только то состояние, к которому объект придет в результате реформирования. Отсутствие интереса к реальности было характерно для всех поколений реформаторов, начиная с 1980-х годов до сегодняшнего времени… Что нас может заставить принять то, что отечественная реальность – вполне полноценна, масштабна, очень развита, пока не знаю» [14].

Для человека с реалистическим сознанием это признание покажется чудовищным. Такая безответственность не укладывается в голове, но это говорится без всякого волнения, без попытки как-то объяснить такую интеллектуальную аномалию.

Да ведь даже и на Западе нет того, что устроили в России наши реформаторы. Дж. Гэлбрейт сказал об их планах: «Говорящие – а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь – о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить» [15].

Психическое отклонение клинического характера – вот как воспринимался замысел реформы в России видными западными специалистами, не имеющими причин молчать! Аутистическое мышление питается мифами. Наше общество пережило небывалый всплеск *мифотворчества*. Один из важных мифов гласил о якобы *избыточном производстве ресурсов как фундаментальном дефекте плановой экономики*. Этот миф вошел в самое ядро всей доктрины подрыва хозяйства России. Ведь вслед за атаками на какую-то «избыточную» отрасль (производства стали, тракторов, энергии и т. п.) принимались политические решения по демонтажу этих отраслей.

Иррациональное утверждение, будто хозяйство России «работает *на себя, а не на человека*», стало привычным и не вызывало у людей психологического отторжения. Так, были резко

[2] В тот момент С. Кордонский работал референтом президента В. В. Путина.

уменьшены капиталовложения в *энергетику*, хотя специалисты доказывали, что сокращение подачи энергии и тепла в города Севера и Сибири приведет к исчезновению «потребителей» – они покинут холодный край. Тот факт, что гуманитарная интеллигенция благосклонно приняла программу, в которой почти невозможно было не видеть большой опасности для хозяйства и даже для шкурных интересов каждого обывателя, настолько необычен, что должен был бы стать предметом большого исследования.

Только при господстве аутистического мышления могла быть так легко принята разрушительная доктрина *деиндустриализации*. Люди слышали (и слышат сегодня) обещания произвести модернизацию России посредством прыжка в постиндустриальное общество без восстановления промышленности – и верят.

Уже с начала «нулевых» годов эти утопии получали поддержку в Администрации Президента. Например, С. Ю. Сурков приглашает граждан России грезить наяву: «Хотим мы включения в так называемую цивилизацию Третьей волны или останемся ржаветь в индустриальной, на задворках глобальной экономики до скончания века и нефти? Хотим ли мы неуклонно стремиться к смягчению нравов в политике и в быту, или предпочтем ходить строем?» [16].

Допустим, граждане России не хотят ржаветь в индустриальной цивилизации, не хотят ходить строем, а наоборот, хотят смягчать нравы в быту. Что конкретно им предлагает сделать власть? В основном, мы получаем заряд *грез*. Они прекрасны, им все готовы аплодировать, но по своему характеру они таковы, что служат средством анестезии, а не мобилизации на тяжелый, даже изнурительный труд именно «на задворках глобальной экономики» – восстанавливая страну на пепелище.

Президент Д. А. Медведев сказал в Послании 2009 года: «Настало время нам, то есть сегодняшним поколениям российского народа, сказать свое слово, поднять Россию на новую, более высокую ступень развития цивилизации… Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания, новые вещи и технологии, вещи и технологии, полезные людям. Вместо архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех, станем обществом умных, свободных и ответственных людей… Вместо прошлой построим… современную, устремленную в будущее молодую нацию, которая займет достойные позиции в мировом разделении труда» [17].

Чтобы эти слова сплотили людей на трудовые усилия с неминуемо *отложенным вознаграждением*, под них надо подвести рациональную базу, то есть сказать, каким образом «мы создадим умную экономику» ***вместо*** «примитивного сырьевого хозяйства»? Ведь страна живет именно за счет «сырьевого хозяйства» – нефти и газа. Зачем же строить все эти Северные и Южные потоки, если мы собираемся вместо сырья гнать на экспорт нанотехнологии?

Как ни странно, даже В. В. Путин включился в пропаганду постиндустриальной утопии. На конференции в Давосе (январь 2009 г.) он сказал: «Считаю, что экономика XXI века – это экономика людей, а не заводов. Интеллектуальная составляющая в глобальном экономическом развитии неизмеримо возросла» [18].

Как это понять – «экономика людей, а не заводов»? Понятно, что «завод» – это метафора материального производства. Его в XXI веке не будет? Не будет сырья, техники, средств производства и производственных отношений – одни люди (допустим, в легкой одежде)? Или вся эта индустриальная дрянь просто не включается в категории хозяйства?

И почему вдруг «интеллектуальная составляющая неизмеримо возросла»? Как это взвесить? Как измерить «интеллектуальную составляющую развития» в момент приручения лошади или выведения культурного риса в сравнении с изобретением науки и прецизионного винта, с созданием паровой машины или электромотора? Насколько «неизмеримо возросла» эта самая интеллектуальная составляющая мобильного телефона по сравнению с перечисленными достижениями прошлых веков? Как-то все это странно слышать, «сидя на плечах XX века». Постмодерн крепчает.

Непосредственно для нашей темы важен случай фетишизации *постиндустриального общества* («цивилизации Третьей волны»). Влиятельные круги реформаторской элиты России превратили это весьма расплывчатое понятие в обозначение реальной сущности, определенного жизнеустройства, в которое якобы втягивается мир по выходе из кризиса индустриальной цивилизации. Этой сущности приписываются черты, противоречащие реальному профилю того общества, которое и считается инкарнацией сущности постиндустриализма – общества США и Западной Европы. Следовать при проектировании модернизации России этому образу, созданному утопическим мышлением, было бы очень неосторожно.

Канонической работой, на которую принято ссылаться в рассуждениях о постиндустриальном обществе, стала статья В. Л. Иноземцева «Парадоксы постиндустриальной экономики» [19]. Поныне на нее принято ссылаться в рассуждениях о постиндустриальном обществе. Рассмотрим кратко ее главные тезисы, не пытаясь выявить в них какую-то систему. Речь идет действительно о парадоксах, но не постиндустриальной экономики, а ее фетишизации.

В. Л. Иноземцев пишет: «Постиндустриальное общество развивается на фундаменте всемерного использования потенциала, заключенного в прогрессе теоретического знания – этот важнейший тезис Д. Белла, основателя концепции постиндустриализма, сегодня фактически не подвергается сомнению».

Это утверждение не подтверждается ни логически, ни исторически. А уж здравому смыслу оно противоречит просто дерзко. Тезис о примате какого-то одного типа знания (конкретно, теоретического) можно принять лишь как крайнюю абстракцию. Но глупо утверждать, что на таком вырожденном фундаменте может развиваться какое бы то ни было общество. Если сформулированный Иноземцевым тезис «фактически не подвергается сомнению», то лишь потому, что разумные люди его всерьез и не рассматривают. Тезис очевидно неверен.

Очевидно, что система знания, на которой стоит постиндустриальное общество (как и любое другое), представляет собой сложную целостную систему, обладающую большим разнообразием. Теоретическое знание является в этой системе важным элементом, но именно *элементом*, встроенным в контекст множества других типов знания – в большую *когнитивную структуру*. Доминирование теоретического знания с сегрегацией других видов знания невозможно. Если же говорить о проблемах модернизации российского хозяйства, то тем более важен настрой на создание большой динамичной системы с высокой способностью к адаптации.

Далее В. Л. Иноземцев пишет: «Если информация, как и любой другой производственный ресурс, может выступать и выступает в качестве объекта собственности (property), и в этом отношении информационная экономика имеет сходство с индустриальной, то знания, в отличие от любого другого производственного ресурса, могут быть и являются лишь объектом владения (possession) и образуют базу для качественно новой хозяйственной системы».

Как это понять? Разве *знания* появились только сегодня, в постиндустриальном обществе? Каким образом знания «образуют базу для качественно новой хозяйственной системы» – разве в «качественно *старой* хозяйственной системе» не было знаний? А в аграрном натуральном хозяйстве не было не только знаний, но и информации, поскольку она не была «объектом собственности (property)»? К чему вся эта схоластика? Они лишь дезориентируют людей.

В. Л. Иноземцев выдвигает странный тезис, истоки которого даже трудно себе представить: «Вовлечение в процесс массового материального [индустриального] производства все нарастающего объема сырьевых ресурсов, энергии и рабочей силы приводило к пропорциональному росту общественного богатства. Сегодня набирает силу ***иной процесс***: использование знаний умножает результаты гораздо более эффективно, чем применение любого другого»

Что за парадоксальная логика! Ведь очевидно, что «вовлечение энергии и рабочей силы» было точно таким же «использованием знаний», как и сегодня. Переход к «вовлечению энергии» ископаемого топлива вместо энергии сокращения мускула привело не просто к непро-

порциональному росту общественного богатства, а вызвало *индустриальную революцию*. Это был такой скачок в использовании знаний, с которым пока что постиндустриальная революция не может и сравниться. Неужели, по мнению В. Л. Иноземцева, создание паровой машины как средства «вовлечения энергии» менее значимо в движении знания, чем появление компьютера? И как можно оторвать «вовлечение нарастающего объема сырьевых ресурсов» от использования знания? Как вообще можно «умножать результаты» только с помощью использования знания, противопоставляя его всем «любым другим» ресурсам? Знание – без сырья, без энергии и без рабочей силы? Как автор представляет это себе в реальности? Какую сверхзадачу хочет решить автор при помощи таких необычных утверждений? Читатель имеет право знать, к чему хочет его подвигнуть текст.

Вот тезис уже из сферы социологии знания: «Переход от индустриального общества к постиндустриальному снижает воздействие на человека обстоятельств, обусловливаемых социальной средой; в то же время особое значение приобретают внутренние силы самой личности, …и в этом аспекте постиндустриальная социальная система радикально отличается и от аграрного, и от индустриального обществ».

Это фантазия, которая увяла еще в 80-е годы. Какие там «внутренние силы самой личности»? Никогда отдельная личность не испытывала столь мощного «давления социальной среды», как в постиндустриальном обществе, которое наконец-то получило вожделенные средства господства над личностью без прямого насилия и открытого принуждения – при помощи средств «дистанционного управления».

Как пишет английский философ З. Бауман, именно постиндустриализм порождает новый тип бытия личности, от наступления которого невозможно укрыться никому: «Самые страшные бедствия приходят нынче неожиданно, выбирая жертвы по странной логике либо вовсе без нее, удары сыплются словно по чьему-то неведомому капризу, так что невозможно узнать, кто обречен, а кто спасается. Неопределенность наших дней является могущественной индивидуализирующей силой. Она разделяет, вместо того, чтобы объединять, и поскольку невозможно сказать, кто может выйти вперед в этой ситуации, идея «общности интересов» оказывается все более туманной, а в конце концов – даже непостижимой. Сегодняшние страхи, беспокойства и печали устроены так, что страдать приходится в одиночку. Они не добавляются к другим, не аккумулируются в «общее дело», не имеют «естественного адреса». Это лишает позицию солидарности ее прежнего статуса рациональной тактики» [20].

Гипостазирование. Широко распространенный вид деформации сознания – *гипостазирование*. В словаре читаем: «*Гипостазирование* (греч. *hypostasis* – сущность, субстанция) – приписывание абстрактным понятиям самостоятельного существования. В другом смысле – возведение в ранг самостоятельно существующего объекта (субстанции) того, что в действительности является лишь свойством, отношением чего-либо».

Когда пробегаешь в уме историю нашей реформы, поражает эта склонность изобретать абстрактные, туманные термины, а затем создавать в воображении образ некоего явления и уже его считать реальностью и даже порой чем-то жизненно важным. Эти размытые образы становятся дороги человеку, их совокупность образует для него целый живой мир, в котором он легко и, главное, бездумно ориентируется. Образы эти не опираются на хорошо разработанные понятия, а обозначаются словом, которое приобретает магическую силу. Будучи на деле бессодержательными, такие слова как будто обладают большой объяснительной способностью.

В слово-заклинание превратилось ключевое понятие реформы, «*рынок*». Одни видели в нем доброго ангела, а другие – почти всесильное исчадие ада. Люди видели в нем разные сущности, но ничего определенного не было сказано. Воевали за рынок или против него, но это был *призрак*. Им людей отвлекли от реальных дел.

Г. Х. Попов запустил в обиход, как нечто сущее, туманный термин «*административно-командная система*». Смысла в нем нет, но слово было подхвачено, оно даже получило аббревиатуру – АКС. И стали его употреблять, как будто оно что-то объясняет и есть нечто уникальное и предопределяющее жизнь нашего общества. На деле любая общественная система имеет свой административно-командный «срез». И армия, и церковь, и Большой театр – все имеет свою административно-командную ипостась, наряду с другими.

Идеологи, глубокомысленно вещавшие: АКС, АКС… – намекали, что в «цивилизованных» странах, конечно, никакой АКС быть не может, там действуют только экономические рычаги. Но ведь это попросту глупо – на Западе любой банк, любая корпорация, не говоря уж о ведомствах, действуют внутри себя как иерархически построенная «административно-командная система», причем с контролем более жестким, чем был в СССР.

Достаточно было прилепить ярлык АКС к какой-то стороне реальности, и о ней можно было говорить самые нелепые вещи. Вот, Н. П. Шмелев утверждал: «Фундаментальный принцип всей нашей административной системы – распределять! Эту систему мы должны решительно сломать» [21].

Назвать распределение, одну из множества функций любой административной системы, *принципом* и даже фундаментальным, – значит лишиться всякой способности к системному видению. Но даже если так, почему же эту систему надо сломать, причем решительно? Разве в обществе нет необходимости *распределять*? Ломать надо любую систему распределения или только «нашу»? Надо ли сломать госбюджет России и финансирование Института Европы, директором которого является Н. П. Шмелев?

В данный момент плевки в сторону «администрации» прекратились. Административная система стала бесконтрольной вплоть до самодурства – и ничего.

Глубокая деформация сознания произошла в связи с интенсивным использованием идеологами понятия ***экономическая свобода***. Этому абстрактному и многозначному понятию придавали значение реальной сущности – и ради нее ломали устойчивые, необходимые для жизни установления и отношения.

Этот образ стал такой всемогущей сущностью, что нельзя было не только сказать что-то против него, но даже усомниться, задать вопрос. Это понятие стало наполняться не только разнородными, но прямо взаимоисключающими элементами. Идеологи избегали давать этому понятию связное определение, а люди и не спрашивали – хотя никакого молчаливого согласия относительно смысла этого слова в нашем обществе не было, а значит, его употребление как общеизвестного и однозначно понимаемого термина нарушало нормы рациональности.

И этим туманным понятием обозначалась «ключевая роль государства в экономике». Спросите человека на улице, в чем «ключевая роль государства в экономике». Почти каждый скажет: установление порядка и контроль за ним. Даже либералы любят повторять свой афоризм: «государство – ночной сторож». Да разве дело сторожа «защита свободы»? Совсем наоборот – защита порядка, ограничение свободы жуликов.

А если шире, то ключевая роль государства в экономике – так организовать производство и распределение материальных благ, чтобы была обеспечена безопасность страны, народа и личности, а также воспроизводство физически и духовно здорового населения. Ради этого государство обязано ограничивать «экономическую свободу» рамками общественного договора, выраженного в законах.

А вспомним, с какой страстью масса здравомыслящих людей уповала, как на манну небесную, на ***инвестиции*** в нашу экономику. Слова «инвестиции» и «инвестор» были наполнены магическим, спасительным смыслом. Эти надежды на инвестиции культивировались даже в отношении таких сфер, куда их не было никакой надежды заманить. В ЖКХ, например, реформаторы главные надежды возлагали на «частных инвесторов». Но всем было известно, что население не имеет финансовых возможностей заплатить за услуги ЖКХ такую цену,

чтобы обеспечить инвесторам приемлемую для них прибыль. Какой же олигарх в здравом уме станет вкладывать сюда заработанные честным трудом миллиарды?

Важным объектом гипостазирования стало и понятие «частной инициативы». Как будто в ней кроется какая-то магическая сила, как у «невидимой руки рынка». Эта «рука» – постулат либеральной доктрины времен Адама Смита, который давно уже опровергнут историческим опытом. Мотором экономического роста, начиная с цивилизаций Тигра и Евфрата с их каналами и дамбами, являются большие организации людей, способные разрешать противоречия интересов, координировать усилия и мобилизовать ресурсы в масштабах, недоступных для частной инициативы. Наиболее высокие темпы и качество экономического роста были достигнуты в СССР в 30-е годы, во время Отечественной войны и в ходе восстановительной программы. Это – общепризнанный в мировой экономической науке факт.

Возьмем реальность наших дней – экономику США, светоч и маяк наших либеральных реформаторов. Из большого кризиса 30-х годов эта экономика вылезла благодаря вмешательству государства («Новый курс»), а главное, благодаря введению принципов административно-командной экономики времен войны. После окончания войны все были уверены, что США снова сползут в депрессию, если вернутся к примату частной инициативы.

Все большие достижения США – лазеры и транзисторы, компьютеры и Интернет – созданы благодаря научным и производственным возможностям государственного сектора экономики. Интернет в течение 30 лет разрабатывался и финансировался главным образом в госсекторе, в основном Пентагоном и Национальным научным фондом, и лишь затем был передан в частный сектор.

Другие примеры – экономический рост Японии, стран Юго-Восточной Азии, сегодня Китая. В этих случаях мотором была не «частная» инициатива, а большие государственные программы развития, в которых с высокой степенью координации соединялись предприятия разных типов и даже разные уклады.

Недавно в Японии опубликован многотомный обзор японской программы экономического развития начиная со Второй мировой войны. В нем говорится: «Япония отклонила неолиберальные доктрины своих американских советников, избрав вместо этого форму индустриальной политики, отводившую преобладающую роль государству».

Примерно то же самое пишет председатель Комитета экономических советников при Клинтоне лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц об «уроках восточноазиатского чуда», где «правительство взяло на себя основную ответственность за осуществление экономического роста», отбросив «религию» рынка.

Склонность к гипостазированию нисколько не изжита. Нас эта опасность подстерегает постоянно. Используя понятие, обозначающее явление, мы часто забываем, что ***понятие*** – инструмент, отсекающий от реального содержания явления множество черт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.